

**Величайшая сокровищница культуры
(К 125-летию Государственной Публичной библиотеки
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)**

В 1795 году в Санкт-Петербурге все место вдоль «Невской перспективы», от Фонтанки до Садовой улицы (по-тогдашнему Сенной), принадлежало Аничкову дворцу. Зодчий Карло Росси еще не возвел здесь великолепного театра с коринфскими колоннами, над которыми вздыбились бронзовые кони аполлоновой колесницы. Огромный пустырь, застроенный кое-где сараями и службами, простирался от дворцовой усадьбы до самой Сенной улицы. На пустыре стояло заброшенное ветхое здание, в котором никак нельзя было узнать нарядного садового павильона, где во времена царицы Елизаветы устраивались шумные маскарады и балы.

В один из дождливых осенних дней к запущенному садовому павильону подъехал обоз, конвоируемый казаками. Сотни подвод загрузили пустырь. Огромные ящики, набитые книгами, весь день и всю ночь сгружали наземь. А через несколько дней к тому же пустырю потянулись телеги и возы, груженные досками, бревнами, кирпичом, песком, железом. Напротив садового павильона начали строить новый дворец. Он назывался непривычно и странно – «Публичная библиотека».

Екатерина II, старательно создававшая себе славу просвещенного монарха, переписывавшаяся с Вольтером и Дидро, хотела блеснуть перед Европой библиотекой-дворцом. Но императрица пуще чумы боялась якобинской заразы, которую ветер революции разносил по Европе. Новиков был заключен в Шлиссельбургскую крепость, Радищев сослан в Илимск, а во главе первой Национальной Публичной библиотеки был поставлен эмигрант-роялист граф Шуазель-Гуффье, изгнанный восставшим народом из Парижа и бежавший в царский Петербург.

Что за дело было озлобленному, кочующему эмигранту до библиотеки чужого ему народа? Библиотечному зданию Шуазель-Гуффье подыскал новое назначение: весь первый этаж он предложил отдать под квартиры чинов дворцового ведомства.

Первая русская Публичная библиотека открылась 2 (14) января 1814 года. Державин и Крылов, Александр Тургенев и Гнедич, Кипренский, Мартос и Востоков присутствовали на торжественном акте. И хотя писали, [что] ученые и художники терялись в толпе «великосветской черни», среди господ членов Государственного Совета и Святейшего синода, среди князей, баронов, митрополитов, епископов, архимандритов и обер-священников, – с этого дня Публичная библиотека вошла в историю русской культуры.

Сложно и противоречиво шло ее развитие.

Возглавляемая людьми, враждебными делу народного просвещения, чуждыми понимания ее национальных задач, ее огромного культурного значения для России, библиотека все же из года в год, из десятилетия в десятилетие накапливала книжные фонды громадной ценности, которые приводились в порядок известными и неизвестными сотрудниками.

При директоре Оленине в библиотеке служил цензор Красовский, яростный враг печатного слова, оставивший в истории литературы страшные следы опустошения. Главным образом из-за него литература, по словам Пушкина, «сделалась тогда рукописной». После Оленина библиотеку возглавляли Бутурлин и Корф, создатели и руководители знаменитого «бутурлинского комитета», одного из самых свирепых цензурных учреждений, выразившего собой крайнее проявление николаевской реакции. На директорском посту Корфа сменил Делянов, будущий министр просвещения, автор знаменитого циркуляра о недопущении в учебные заведения «кухаркиных детей». Если при Бутурлине режим казармы и гауптвахты отпугивал читателей, то при Корфе внешняя, парадная сторона библиотечной жизни, выставки раритетов отвлекали внимание посетителей. При Делянове и следовавших за ним директорах, представителях высшей бюрократии или официальной науки, охранительные традиции директоро-цензоров поддерживались в полной мере.

Но наступают новые времена. Уже со второй половины прошлого века ни один значительный научный труд не мог совершиться в России без участия Публичной библиотеки. Ломая все ограничения, настойчиво и решительно врывается жизнь в стены казенного книгохранилища, вынуждала цензоров и чиновников-бюрократов идти нехотя, поневоле навстречу требованиям молодого поколения русских ученых, с жадностью стремившихся к книжным богатствам библиотеки.

К порогу Публичной библиотеки сперва робко и нерешительно подошел скромный разночинец, еще не сознающий своей роли в борьбе, которая разворачивалась в царской России. Все настойчивее и настойчивее добивался он знаний, чтобы разобраться и понять окружающую его жизнь. Базаровы и Рахметовы стремились познать тайны природы и искали ответа на «мировые загадки» в трудах великих естествоиспытателей и мыслителей. Молодые Сеченовы и Мечниковы, Стасовы и Тимирязевы, Павловы и Менделеевы, Карпинские и Бехтеревы, еще неизвестные, приходили в огромное здание, чтобы здесь, в окружении книг, изучать опыт науки прошлых веков, проверять правильность собственных выводов, закладывать основы новых научных теорий.

Великий революционный демократ В. Г. Чернышевский 18-летним юношей горько сетовал в письмах к родным на невозможность заниматься в Публичной библиотеке, управляемой Бутурлиным и постоянно закрываемой для посетителей.

Величайший гений человечества Владимир Ильич Ленин еще в конце прошлого столетия, руководя революционной борьбой питерских рабочих, был постоянным посетителем Публичной библиотеки и пользовался ее богатыми материалами.

В год открытия библиотеки читальные залы посетило 369 человек. Они прочли 1341 книгу. Через 40 лет 1998 читателей берут входные билеты и получают 34 475 книг. Проходит еще двадцать лет. В 1874 году 11 448 человек приходят в библиотеку и требуют 371 721 книгу, а накануне своего столетия – в 1913 году – библиотека насчитывала уже 27 899 читателей, и в ведомостях, регистрирующих выдачу книг, значится 522 958 названий. Место библиотека

в культурной жизни страны растет, отражая процесс общественного развития России.

В новый огромный для того времени читальный зал приходили уже не только ученые и исследователи, но и студенты и курсистки с Васильевского острова, рабочие – участники марксистских кружков с Выборгской стороны и Нарвской заставы. Работники революционного подполья назначали здесь свидания и явки, и не раз на читальных столах среди учебников анатомии и сопротивления материалов оказывались листовки и прокламации, призывающие к борьбе.

Казнями, тюремными казематами, каторгой и ссылкой расправлялось самодержавие с революцией 1905 года. В Публичной библиотеке появились какие-то странные люди, которые пристально вглядывались в лица читателей; на карточках, в каталогах все чаще и чаще стала появляться косая надпись: «запрещено».

...Был ноябрь семнадцатого года. Всего несколько дней назад прогремел выстрел с Невы и под натиском красногвардейцев и моряков пал Зимний дворец. Наступила новая эра в истории человечества.

В Смольном В. И. Ленин и И. В. Сталин просматривали фронтовые сводки, отдавали боевые приказы, подписывали первые революционные декреты. В эти дни решались исторические судьбы социалистической революции. И в один из таких дней, когда беспокойное утро продолжало бессонную ночь, Владимир Ильич писал:

«Чтобы разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции, надо учиться.

Библиотечное дело в Петрограде поставлено, в силу многолетней порчи народного просвещения царизмом, из рук вон плохо»¹.

И Владимир Ильич дал замечательные практические указания: что необходимо немедленно сделать, чтобы поставить Публичную библиотеку – бывшую императорскую – на службу освобожденному народу.

Вместе с Советской страной прошла библиотека сквозь невзгоды и тяготы, нужду и лишения героических годов Гражданской войны. Сюда, в полутемные и давно нетопленные комнаты, приходили библиотекари и читатели, не снимая валенок и рукавиц, занимали места за столами и сосредоточивались над книгой. И с ноябрьских дней 1917 года, со строк, написанных рукою Ленина, начинается новый, советский период истории библиотеки, когда миллионы книг пришли на службу социалистической культуре.

В 1914 году, через сто лет после открытия, в библиотеке насчитывалось три миллиона книг и рукописей. За 20 советских лет богатства библиотеки возросли в три раза. К 1938 году в основных фондах хранилось семь миллионов книг, рукописей, гравюр, нот, а резервном – 2 миллиона. Ежегодно книгохранилища библиотеки получают 500 тысяч новых названий. И эти советские книги становятся бок о бок с личными книгами Вольтера, с альдами и эльзевира-

¹ Ленинский сборник. Т. 21. С. 204.

ми – редчайшими книгами XVI и XVII столетий, с инкунабулами – первенцами книгопечатания, с русским книгохранилищем Погодина...

Мы найдем здесь и Остромирово Евангелие – самый древний памятник нашей письменности, и арабские письма, восходящие к первым векам ислама, первые оттиски, сделанные на неуклюжих печатных станках Иваном Федоровым, и листок из тетради 7-летнего Людовика XIV, на котором 20 раз переписана одна и та же фраза: «королю все дозволено». Здесь и латинские кодексы IV столетия, писанные золотом, серебром на пурпуровом пергаменте, и архивы Бастилии, подобранные под стенами захваченной народом крепости 14 июля 1789 года чиновником русского посольства в Париже Дубровским – первым хранителем «депо манускриптов» библиотеки.

Мы чрезвычайно ценим эти сокровища. Но не только в их накоплении и хранении задачи Государственной Публичной библиотеки. Ленин хотел «видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько в ней редкостей, сколько каких-нибудь изданий XVI века или рукописей X века, а в том, как широко обращаются книги в народе, сколько новых читателей, как быстро удовлетворяется любое требование на книгу...»².

Государственная Публичная библиотека, которой присвоено имя великого русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина, навсегда вошла в нашу жизнь, и трудно представить себе советского ученого или писателя, агронома или архитектора, рабочего-стахановца, или журналиста, чей труд не был бы обогащен библиотекой.

Наша библиотека занимает одно из первых мест среди величайших мировых сокровищниц иностранных книг, но нет ни одной библиотеки в мире, которая могла бы соперничать с ней богатством и полнотой собраний русской печати и литературы народов СССР. Среди бережно хранимых драгоценностей библиотеки – первые русские издания трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, объединенные теперь в особый отдел марксизма-ленинизма, помогающий тысячам читателей овладевать большевизмом.

Читатели Государственной Публичной библиотеки – это не только люди, изучающие книги за столами переполненных библиотечных зал. Осуществлена мысль Ленина: врач на далекой Камчатке, готовящийся к защите кандидатской диссертации, может получить из Ленинграда через свою библиотеку необходимые ему книги и пособия. Оркестру Ростовской филармонии разыщут здесь неопубликованную партитуру. Узбекскому художнику по первому требованию будут высланы фотографии редчайших миниатюр. Мастерам угля из Донбасса в библиотеке подберут необходимую им техническую литературу...

14 января 1939 года Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина празднует 125-летие со дня своего открытия.

Это – праздник социалистической культуры.

Б. Пест

Ленинград

² Ленин В. И. Собр. соч. Т. 16. С. 529.

*Величайшая сокровищница культуры (К 125-летию Государственной
Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина) // Известия. 1939.
11 янв.*